

ЮЖНОНЕМЕЦКИЙ ГОРОД В НАЧАЛЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ (май — сентябрь 1524 г.)

Ю. К. Некрасов

Ряд важнейших аспектов истории Крестьянской войны уже получил освещение в советской марксистской историографии и прежде всего в трудах М. М. Смирина¹, исследовавшего происхождение и сущность народной Реформации. Научная деятельность М. М. Смирина оказала значительное влияние на формирование в Германской Демократической Республике марксистской историографии Крестьянской войны. В ГДР в последнее время увидел свет ряд монографических исследований, в значительной мере опирающихся на неопубликованные архивные материалы². С результатами некоторых исследований историков ГДР советские читатели имели возможность познакомиться и в русских переводах³.

И все же сложный комплекс проблем Крестьянской войны как важнейшей составной части раннебуржуазной революции изучен далеко не полностью. К числу малоисследованных сле-

¹ Достаточно указать на такие фундаментальные исследования М. М. Смирина, как «Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война» (М., 1947; изд. 2-е. М., 1955), «Германия эпохи Реформации и Великой Крестьянской войны» (М., 1962) и «К истории раннего капитализма в германских землях (XV—XVI вв.)» (М., 1969).

² Сошлемся лишь на ряд изданий 50—60-х годов: *Meusel A. Thomas Müntzer und seine Zeit.* Berlin, 1952; *Zschäbitz G. Zur Mitteldeutschen Wiedertäuferbewegung nach dem Grossen Bauernkrieg.* Berlin, 1958; *Bensing M. Thomas Müntzer und der Thüringer Aufstand.* Berlin, 1966; *Zschäbitz M. Martin Luther. Grösse und Grenze.* T. 1. Berlin, 1967; *Mitterzwei J. Der Joahimsthaler Aufstand 1525, seine Ursachen und Folgen.* Berlin, 1968; *Bensing M., Hoyer S. Der deutsche Bauernkrieg 1524—1526.* Berlin, 1970; *Steinmetz M. Das Müntzerbild von Martin Luther bis Friedrich Engels.* Berlin, 1971. Необходимо также указать коллективные труды ученых ГДР, публикации материалов конференций и симпозиумов (см. *Probleme der frühbürgerlichen Revolution in Deutschland 1476—1535.* Berlin, 1961; *450 Jahre Reformation.* Berlin, 1967; *Deutsche Geschichte*, Bd. 1. Berlin, 1967; *Weltwirkung der Reformation. Internationales Symposium*, Bd. 1—2. Berlin, 1969).

³ Кёдиц Х. К истории народных движений в Мольгаузене (Тюрингия) в 1523—1575 гг.—«Средние века» (далее — СВ), вып. 21—22. М., 1962; Бензинг М. Поражение Тюрингского восстания при Франкенхаузене (15 мая 1525 г.). Его предпосылки и причины.—СВ, вып. 28. М., 1965; Штейнмец М. Наследие Томаса Мюнцера.—«Ежегодник германской истории. 1970». М., 1971.

дует отнести вопрос о роли городов и различных слоев бюргерства в Крестьянской войне. Выводы и наблюдения советских историков⁴ и ученых ГДР⁵ очень важны, но отнюдь не исчерпывают эту проблему. В марксистской историографии, как впрочем и в буржуазной, до сих пор нет обобщающего труда о месте городов в событиях раннебуржуазной революции XVI в. Естественно, что такой труд должен опираться на результаты изучения революционного движения в отдельных районах и городах.

Автор данной статьи намерен обратиться к событиям в Швабии и сопредельных с нею районах, особенно в имперском вольном городе Аугсбурге⁶, используя свидетельства городских хроник, материалов городского суда и других документов⁷. Хронологически нами рассматриваются события, явившиеся прелюдией Крестьянской войны и происходившие по преимуществу в разных

⁴ Стоклицкая-Терешкович В. С. Ротенбургское восстание 1525 г.—«Исторические записки», 1938, № 2; она же. О деятельности Томаса Мюнцера как вождя мюльгаузенского плебейства.—«Историк-марксист», 1938, № 6; она же. Немецкий город в эпоху Крестьянской войны.—«Вестник МГУ, сер. общество. науки», 1950, вып. 2; Ермолаев В. А. Франконский город в Крестьянской войне 1525 г.—СВ, вып. 5. М., 1954; Фадина М. Ф. Мюльгаузенское движение 1523—1525 гг.—«Уч. зап. Мариинского педин-та», 1958, т. 17; она же. Классовая борьба в Северной Тюрингии во время Крестьянской войны.—В кн.: «Казахский университет им. С. М. Кирова. Ученые труды кафедр всеобщей истории, государственного и международного права». Алматы, 1964.

⁵ Кроме уже упомянутых сочинений М. Бензинга и И. Митенцвай, необходимо указать и следующие работы: Schildhauer J. Soziale, politische und religiöse Auseinandersetzungen in den Hansestädten Stralsund, Rostock und Wismar im ersten Drittel des 16. Jahrhunderts. Weimar, 1959; Breuer H. Zur städtischen Volksbewegung vom Ausgang des Grossen Bauernkrieges bis zur Mitte des XVI. Jahrhunderts im Gebiet zwischen Freiburg und Zwickauer Mulde.—«Sächsische Heimatsblätter», 1969, Н. 6.

⁶ В буржуазной историографии вопрос об участии Аугсбурга в событиях Крестьянской войны затронут в работах В. Фогта, Ф. Рота и Ф. Х. Шуберта (Vogt W. Johann Schilling der Barfüsser Mönch und der Aufstand im Jahre 1524.—«Zeitschrift des historischer Vereins für Schwaben und Neuburg». Augsburg, 1879; Roth F. Augsburgs Reformationsgeschichte, Bd. 1 (1519—1530). München, 1901; Schubert F. H. Die Reformation in Augsburg.—«Augusta 955—1955». München, 1955; в советской — в статьях А. Д. Эппштейна и Ю. К. Некрасова (Эппштайн А. Д. Из экономической и социальной истории Аугсбурга в XV и начале XVI в.—СВ, вып. 10. М., 1957; Некрасов Ю. К. К проблеме генезиса немецкой буржуазии в XV—XVI вв. (по материалам имперского города Аугсбурга).—«Проблемы германской истории», вып. 1. Вологда, 1971). Но во всех перечисленных работах освещение проблемы «город — крестьянское восстание» является скорее побочной линией, нежели целью и задачей исследования, поэтому они не дают сколько-нибудь полного представления об участии и отношении различных слоев городского населения к Крестьянской войне.

⁷ «Chronik des Clemens Sender» (далее — Sender); «Die Chroniken der deutschen Städte vom XIV. bis zum XVI. Jahrhundert» (далее — CDS), Bd. 23. Leipzig, 1892; Rem Wilhelm. Chronika der neuen Geschichten (далее — Rem).—CDS, Bd. 25. Leipzig, 1894; Chronik des augsburger Malers Georg Preu des Älteren (далее — Preu).—CDS, Bd. 29. Leipzig, 1906; Vogt W. Op.

концах Верхней Швабии. С этой целью привлекаются источники, введенные в научный оборот В. Штольце и Г. Францем, при использовании которых, однако, необходимо помнить, что оба буржуазных ученых менее всего склонны видеть в Крестьянской войне социальную революцию⁸.

Параллельно с событиями в Аугсбурге рассматривается революционное движение в Вальдсхуте, к которому долгое время было приковано всеобщее внимание, и в Меммингене, который в дальнейшем превратился в важный центр не только бюргерской оппозиции, но и крестьянского движения во всей Верхней Швабии. Такой метод исследования позволяет не только установить характерные черты революционных событий в данном регионе, но и обрисовать различные типы движений, обусловленные многообразием и противоречивостью интересов их участников.

*

На швабские города, как и на всю Германию, выступление Лютера осенью 1517 г. оказало «воспламеняющее действие, подобное удару молнии в бочку пороха»⁹, что привело в движение все слои общества. Начавшаяся буря не миновала и Аугсбурга.

Аугсбург — один из крупнейших торгово-промышленных центров Южной Германии — был городом резких социальных контрастов. Пауперизация ремесленной массы, находившейся в бедственном положении, происходила здесь еще в XV в.¹⁰ и значительно углубилась в XVI столетии¹¹. С начавшейся Реформацией многочисленные разорившиеся ремесленники и поденщики связывали надежды на улучшение своего положения.

cit., Beilage; Roth F. Op. cit., Anhang «Zur Hinrichtung der Weber Hans Kag und Hans Speiser im Jahre 1524».

⁸ «Akten zur Geschichte der Stühlinger Erhebung des Jahres 1524», hrsg. von W. Stolze (далее — Stolze W. Akten...). — «Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins», Neue Folge, Bd. 42. Karlsruhe, 1929; Franz G. Geschichte des deutschen Bauernkriegs. Darmstadt, 1956; Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges, hrsg. von G. Franz. München, 1963 (далее — Franz G. Quellen...).

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 392.

¹⁰ Hartung J. Die Augsburger Zuschlagsteuer 1475. Ein Beitrag zur Geschichte des städtlichen Steuerwesens, sowie sozialen und Einkommenverhältnissen am Ausgange des Mittelalters. — «Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich», Bd. XIX, N. 1. Leipzig, 1895; Некрасов Ю. К. К социально-экономической истории Аугсбурга в XV в. — «Проблемы германской истории», вып. 2. Вологда, 1973, с. 154 и сл.; он же. Происхождение и программа деятельности радикально-бюргерской оппозиции в Аугсбурге в 70-е годы XV в. — СВ, вып. 39. М., 1975, с. 147—149.

¹¹ Особенно убедительно этот факт показан на материале XVI в. См. Hartung J. Die augsburgische Vermögensteuer und die Entwicklung der Besitzverhältnisse im XVI. Jahrhundert. — «Jahrbuch für Gesetzgegung...», Bd. XIX; Н. 4. Leipzig, 1895; Эпштейн А. Д. Указ. соч., с. 136 и сл.; Некрасов Ю. К. К проблеме генезиса немецкой буржуазии..., с. 94 и сл.

Анонимный хронист не без основания писал, что в городе «было много таких, которые, как нищие, получали пропитание для своих жен и детей из кассы общественного призрения и не были полноправными бургераами». К мятежным элементам, по его словам, присоединилось также «множество пропащих людей из подмастерьев»¹².

Бурное развитие Реформации в Аугсбурге побудило власти прибегнуть к предохранительным мерам. Одной из таких мер магистрата явилось установление контроля над книгопечатанием. В 1520 г., пишет Рем, «в Аугсбурге, как говорят, по настоянию Фуггера запретили печатать книги»¹³. Сообщение хрониста находит подтверждение в протоколе совета от 28 августа того же года, куда был записан разработанный Якобом Фуггером и Конрадом Пейтингером декрет о запрете печатать polemische сочинения религиозного содержания. В связи с этим к присяге было приведено десять аугсбургских книгоиздателей¹⁴.

Но постановление совета оказалось недостаточно эффективным и уже весной 1521 г. попытка капитула католической церкви конфисковать сочинения Лютера и других деятелей Реформации привела к тому, что «в народе поднялся большой ропот», и «ремесленники пригрозили перебить попов»¹⁵.

Уже в начале 20-х годов XVI в. из реформационной доктрины Лютера богатые бургеры и городские низы по понятным причинам делали различные выводы, хотя на первых порах не-нависть к католическому клиру объединяла плебейство с некоторыми членами городского совета. Последние неоднократно высказывались за свободу евангелической проповеди, полагая, однако, что это не должно возбуждать народ к непослушанию властям. Но постепенно под знаменами антикатолической агитации оказались люди, способные доставить властям большие неприятности.

В начале 1524 г. в роли проповедника выступал некий Хауг Цоллер. Обращаясь к прихожанам, он задавал вопрос: что изменилось с того времени, как они стали слушать евангелические проповеди и получили возможность прочесть книжонки, посвященные библейским сюжетам? И сам же отвечал, что купец, как и прежде, обвещивает и занимается ростовщичеством, а жизнь ремесленника не стала лучше, дворяне же, даже перейдя в евангелическую веру, ведут по старому обычанию войны, которые несут разорение беднякам. Хауг советовал богатым бургерам и купцам пахать землю или заняться ручным ремеслом, пить больше воды, чем вина, носить одежду из грубого

¹² Vogt W. Op. cit., Beilage.

¹³ Rem, S. 137.

¹⁴ Ibid., Anm. 2.

¹⁵ Ibid., S. 144.

полотна, а не из шелка¹⁶. Понятно, что такие речи находили живой отклик в сердцах слушателей из числа бедных ремесленников и плебеев. В том же году, несмотря на запрет совета, в городе появилась «Книжечка для бесед», автор которой, бедный аугсбургский ткач Ульрих Рихснер, в доступной форме разъяснял основные положения реформационного учения и выступал с критикой католической церкви¹⁷.

Магистрат стал с ужасом замечать, что народ евангелическую веру «воспринимает телесно» (*fleischlich aufnahm*). Все чаще раздавались голоса тех, кто с утверждением евангелической веры связывал наступление конца света¹⁸.

Монах-бенедиктинец Клеменс Зендер с горечью пишет, что «в 1524 г. почти все в Аугсбурге приняли лютеранство, и ересь возобладала». Все «насмехались над католическим священством и божественной службой». Распятия в парфюсской часовне и церкви св. Анны «были отданы женщинам и мужчинам, и они прикасались к ним своими руками». Хрониста особенно возмущает тот факт, что надругались над святынями люди, которые «питались только одним жалким хлебом»¹⁹. Магистрат, по убеждению Зендера, потворствовал мятежу.

Поворотным пунктом в иконоборческом движении и борьбе за свободу евангелической проповеди послужил инцидент 8 мая 1524 г., которым завершился первый этап революционного движения в Аугсбурге. Этот инцидент, по утверждению аугсбургского хрониста и живописца Георга Прей-старшего, явился важным звеном в цепи фактов, приведших к бурным событиям начала августа того же года. 8 мая, повествует хронист, ткачи-подмастерья Бартоломей Дурхефтер, Ханс Беринг, уже известный нам Ульрих Рихснер, учитель арифметики Сикст Зауэр, художник и галантейщик, имен которых Прей не называет, потребовали в парфюсской церкви исполнения службы по новому образцу и на немецком языке. Когда монах отказался это сделать, они вырвали из его рук библию, написанную, очевидно, по латыни, сначала бросили ее в воду, а затем, разорвав на части, раскидали листы среди собравшегося народа. После полудня все активные участники инцидента были арестованы и брошены в тюрьму.

Инцидент 8 мая уже достаточно отчетливо свидетельствовал о расстановке классовых сил. На правом фланге находились капитул католической церкви, часть членов совета и ряд богатейших семейств города. Точку зрения католической партии и отражает в своей хронике К. Зендер. Этой партии противостояли последователи Лютера, которым лишь на непродолжительное время удалось привлечь на свою сторону широкие мас-

¹⁶ Roth F. Op. cit., S. 134.

¹⁷ Ibid., S. 135.

¹⁸ Ibid., S. 155.

¹⁹ Sender, S. 154.

сы горожан. По сути дела именно партия умеренно-бюргерской реформации, имевшая большинство в совете, приняла решение об аресте участников инцидента 8 мая. Эта акция вызвала недовольство не только плебейских низов, но и части бюргеров, настроения которых выражает Георг Прей.

Хронист сообщает, что, поскольку «простые люди не говорили ничего мятежного и плохого кроме того, что они желают быть евангелистами, следовать заветам Христа и вкушать освященную плоть», совет разрешил adeptам нового учения выступления с проповедями²⁰. В данной ситуации, по мнению Прея, «не было нужды строго поступать с простым народом», хотя в то же время беднякам следовало внушить, что «царство небесное — не от мира сего» и что они не должны ставить своей целью перенесение принципов «царства небесного» и «божественного права» на земные отношения.

Власти придерживались иной точки зрения и по мере возможности старались подавлять силой любые действия, которые шли вразрез с их представлениями о религиозной свободе. Поэтому в ночь с 8 на 9 мая совет приказал многим бюргерам при полном вооружении явиться к зданию ратуши, а 10 мая из города были изгнаны Сикст Зауэр и Ульрих Рихснер. 15 мая изгнанию подверглись ткачи Дурххефтер и Беринг, который «слишком много говорил». Можно предполагать, что все эти люди были связаны с sectой анабаптистов, о чем свидетельствуют не только их религиозный радикализм, но и резкая критика Рихснером, судя по сообщению Прея, всего существующего правопорядка. 22 мая декретом магистрата объявлялся вне закона и обязан был внести крупный штраф в размере 50 гульденов каждый, «кто принял посвящение у братьев ... и принадлежал к их секте». Совет угрожал также конфискацией имущества и смертной казни тому, кто, выступая с проповедью, «говорит ложь или вздор»²¹.

Говоря об инциденте 8 мая, необходимо иметь в виду два момента. С одной стороны, он знаменовал собою победу реформационного движения, ибо совет вынужден был официально провозгласить свободу евангелической проповеди в церкви парфюсского монастыря. С другой, власти прилагали все усилия, чтобы движение не вышло за рамки церковной реформы, и, применяя репрессии, старались показать, что каждого, кто попытается это сделать, ждет суровое наказание. Репрессии были относительно мягкими только потому, что в тревожной обстановке весны 1524 г. совет не отважился на более крутые меры²².

В последующие месяцы реформационное движение в городе продолжало развиваться по восходящей линии. 8 мая можно

²⁰ Preu, S. 25.

²¹ Ibid., S. 26.

²² Roth F. Op. cit., S. 159.

считать началом нового его этапа. На этом этапе общественная активность концентрируется в парфюсской церкви и связана с именем Иоганна Шиллинга. Но прежде, чем обратиться к характеристике проповедей и деятельности Шиллинга, попытаемся обрисовать ход событий в сопредельных с городской окружой Аугсбурга землях.

*

Революционные выступления крестьян и горожан, своеобразная прелюдия Великой Крестьянской войны, имели место в конце весны и летом 1524 г. Уже в начале или середине мая восстали крестьяне Шварцвальда. Поданные монастыря²³ св. Блазиена объявили, что они, подобно своим братьям в других местах, желают быть свободными, и отказались выполнять феодальные повинности в пользу монастыря. Их примеру последовали крестьяне Эшбаха, отказавшиеся впредь вносить в пользу церкви десятины, чинши и оброки. В письме ландфогту Верхнего Эльзаса от 25 мая эшбахский капеллан Ульрих Хеслин рассматривал эти события как весьма опасную перспективу, ибо крестьяне, по его словам, пригрозили «передушить всех дворян и попов»²⁴. Тогда же обнаружилось обстоятельство, вызвавшее переполох в рядах господской партии.

Фогт Лауфенбурга Ульрих фон Хабсберг в донесении правительству Эльзаса от 2 июня связал начавшиеся крестьянские волнения с деятельностью проповедника в Вальдсхуте Балтазара Хубмайра и бургомистра этого города Гуттьяра²⁵. Причем Хабсберг выражал опасение за состояние дел не только в Вальдсхуте, но и в расположенных по соседству Лауфенбурге, Зикингене и Рейнфельдене. Вальдсхут, писал Хабсберг, уже открыто встал на сторону крестьян, в Зикингене и Лауфенбурге тоже все охвачены неповиновением. Рейнфельденцы не желают платить поборов в пользу княжеской милости, а тех, кто против этого, готовы «всех перебить». И в Рейнфельде, по словам Хабсберга, дело не обошлось без влияния проповедника нового учения, которого, в целях приведения общины к покорности, необходимо отстранить от должности и заменить католиком. Как видим, Хабсберга весьма тревожила возможность соединения радикальной реформации и оппозиционного движения в городах с крестьянскими волнениями.

23 июня поднялись на борьбу подданные расположенного между Клеттгау и Хегау ландграфства Штюлинген, которые, правда, не были настроены радикально и предъявили господам жалобу, составленную в умеренном духе и не содержащую ссылок на библию и божественное право²⁶. Умеренный харак-

²³ Stolze W. Akten..., S. 276.

²⁴ Ibid., S. 277.

²⁵ Franz G. Geschichte des deutschen Bauernkriegs, S. 100—101.

тер требований штюлингенских крестьян не исключал, однако, возможности поддержки их программы и движения со стороны соседних деревень и городов. 27 июня советники, связывая столь нежелательные для властей настроения с деятельностью «лютеровской секты», доносили эрцгерцогу Фердинанду, что, судя по господствующим всюду настроениям, скорее следует ожидать войны, чем гражданского мира²⁶.

В такой ситуации весьма вероятным представлялось распространение революционных настроений на города и соединение в едином потоке движения крестьян и горожан. Прежде всего в силу этого внимание вождей господской партии оказалось приковано к небольшому городу Вальдсхуту, где к началу Реформации проживало около 1 тыс. жителей. Город был подчинен переднеавстрийскому правительству Габсбургов в Энзисхайме. Вальдсхут расположен на расстоянии 50 км от Цюриха и Базеля, а путь от него до Шаффхаузена был еще короче, что, несомненно, оказало влияние на развитие Реформации. Во главе реформационного движения здесь, как уже было отмечено, оказался Балтазар Хубмайер, который при поддержке бургомистра Гуттьяра и большинства горожан еще в мае 1524 г. одержал победу над своими католическими противниками²⁷ и установил церковный распорядок в соответствии с учением швейцарского реформатора Ульриха Цвингли. На угрозы репрессий и опалы со стороны эрцгерцога Фердинанда совет Вальдсхута ответил намерением перейти под защиту Цюриха. Политическая ориентация Вальдсхута на Цюрих еще более осложняла противоречия на юге и юго-западе германских земель.

Обстановка достигла крайней напряженности, когда 60 дворян Хегау изъявили желание оказать помощь графам фон Лупфенам в деле наказания вышедших из повиновения подданных, а эрцгерцог Фердинанд начал изыскивать средства для приведения к послушанию крестьян Штюлингена и горожан Вальдсхута²⁸. В такой ситуации те и другие объединились в борьбе против общего противника.

К этому моменту чрезвычайно опасный для власть имущих характер приобрели события в швейцарских кантонах и пограничных с ними районах Южной Германии. Еще в январе 1524 г. крестьяне Тургау и Хегау впервые напали на монастырь Иеттинген и попортили в нем все иконы. В ночь с 17 на 18 июля, после того как ландфогт арестовал евангелического проповедника по фамилии Эхзли, прозвучал набат и на выручку арестованному проповеднику устремились все деревни между Шафф-

²⁶ Stolze W. Akten..., S. 279.

²⁷ См. Bergsten T. Balthasar Hubmaier. Seine Stellung zur Reformation und Täufertum 1521—1528. Kassel, 1961, S. 133, 135.

²⁸ Stolze W. Akten..., S. 273.

хаузеном и Винтертуром. Когда собравшиеся поняли, что не в состоянии освободить проповедника из замка, они направились в монастырь Иеттинген. Следующей ночью в Иеттингене вспыхнул пожар, причинивший монастырю большой материальный урон²⁹. Летом 1524 г. крестьяне Тургау, судя по донесениям властей, вышли из повиновения и угрожали объединиться с крестьянами Цюриха, Сант-Галлена, долины Верхнего Рейна и выступить против господ.

Обострение классовых противоречий было характерно не только для этой местности. В мае 1524 г. бургеры небольшого земского городка Форххайма, входившего в состав владений бамбергского епископа и расположенного недалеко от Нюрнберга, захватили выпасы, которые принадлежали пробсту местного кафедрального собора. Пробст попытался призвать бургеров к порядку, но 26 мая началось открытое восстание. Бургомистры и совет вынуждены были присягнуть общине и передать ей ключи от городских ворот. Население близлежащих деревень немедленно поддержало горожан, и уже утром следующего дня отряд из 500 крестьян с развернутым знаменем торжественно вступил в город. В несколько дней «бушующей и мятеежной» (*woging und aufrührerisch*) стала вся область между Нюрнбергом и Бамбергом. Тогда же выступили против десятины крестьяне сельской округи Нюрнберга, а городские низы открыто поддержали их требования³⁰. Горожане Форххайма требовали: 1) свободы охоты и рыбной ловли; 2) уплаты десятины в размере $\frac{1}{30}$ урожая в пользу епископа, а не пробста; 3) отмены поборов за пользование выпасами; 4) уплаты духовенством и дворянами, проживающими в городе, налогов наравне с бургерами; 5) юрисдикции светских судов по долговым обязательствам духовенства³¹. Эта программа свидетельствует о близости интересов жителей городка и крестьян окрестных деревень, объясняет причину их совместных действий. Однако восстание в Форххайме оказалось весьма недолговечным. Уже через неделю после начала, т. е. в первых числах июня, армия епископа заняла город.

Иной характер носили события в имперском городе Меммингене, где евангелический проповедник цвинглианец Кристоф Шаппелер в начале июля 1524 г. потребовал у магistrата отмены церковной десятины, обосновав это ссылкой на священное писание, где якобы ничего не сказано, что ее следует платить. 11 июля совет принял решение, которое сохраняло деся-

²⁹ Johannes Stumpfs Schweizer- und Reformationschronik, T. 1 (далее — Stumpf). — «Quellen zur Schweizergeschichte», Bd. 5. Basel, 1952, S. 205—206.

³⁰ Franz G. Geschichte des deutschen Bauernkriegs, S. 94—95.

³¹ Gückel M. Beitrag zur Geschichte der Stadt Forchheim. Bamberg, 1898, S. 15—26; Franz G. Quellen..., S. 315.

гину в 1524 г., предполагая упразднить ее лишь в будущем, 1525 г. Как только весть об этом стала достоянием ремесленной массы, в городе началось волнение. На площадь сбежался народ, который не успокоился, пока не был избран комитет представителей от 12 цехов; он и должен был вынести вердикт о десятине³². События в Меммингене вскоре привлекли внимание руководителей крестьянских отрядов Швабского района, что и превратило этот город в центр не только евангелического, но и крестьянского движения.

Рассмотренные факты, хотя они и различны по своей природе, указывают на тесную связь пропаганды евангелического учения с революционными выступлениями против существующих порядков. Швейцарский хронист Иоганнес Штумпф утверждает, что крестьяне, восставшие против своих властей в Шварцвальде, Хегау и Клеттгау, выдвинули требование свободы евангелической проповеди, понимая эту свободу таким образом, что ни у кого не следует быть в повиновении и никому не платить чиншой и десятины. Именно на этой основе, уверяет хронист, сложилась связь Вальдсхута с крестьянами Клеттгау³³.

Движение «за свободу евангельской проповеди в духе нового учения», отмечает М. М. Смирин, приняло форму «борьбы за популярных народных проповедников»³⁴. Он же подчеркивает, что пропаганда в духе учения народной Реформации способствовала «революционному толкованию божественного права». По этой причине «каждая революционная или радикальная группа крестьян черпала из него то, что ей было понятнее всего и что наиболее отвечало ее настроениям»³⁵. События лета 1524 г. свидетельствуют о глубокой органической связи этих двух линий в развитии революционного движения, которая была характерна для него не только в деревнях, но и в городах. Правда, во всех рассмотренных случаях речь шла о незначительных полуаграрных городских центрах (исключение составляет лишь Мемминген). Но в какой мере это типично для крупных торгово-промышленных центров? Обратимся вновь к материалам Аугсбурга, где, как мы видели, уже в мае 1524 г. движение горожан за свободу евангелической проповеди увенчалось успехом.

*

Центром пропаганды нового учения в Аугсбурге после событий 8 мая стала церковь парфюсского монастыря, где должность проповедника занял популярный монах-францисканец

³² Dobel F. Memmingen im Reformationszeitalter nach handschriftlichen und gleichzeitigen Quellen. Augsburg, 1877, S. 44—46.

³³ Stumpf, S. 262.

³⁴ Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера. М., 1955, с. 292.

³⁵ Там же, с. 378, 383.

Иоганн Шиллинг. Его проповеди, говорит хронист, «очень охотно слушал только простой народ, а попы и некоторые члены совета слушали его без охоты»³⁶. Ф. Рот приводит данные о том, что Шиллинг поддерживал близкие отношения со многими жителями города, особенно с членами цеха ткачей. Проповедник охотно распивал с ними в трактире вино, посещал их дома, и те считали его «добрый парнем»³⁷. Для нас важен не столько общительный характер монаха и его подчеркнутый демократизм в обращении с простыми людьми, сколько содержание его проповедей.

Свидетельства источников весьма отрывочны, но все же позволяют составить общее представление об этом. В «кратком и основательном описании евангелических проповедников Аугсбурга» приведена запись о том, что Иоганн Шиллинг был «ученым монахом-францисканцем» и в своих проповедях осуждал безбрачие духовенства и выступал против совета, чем завоевал большую известность³⁸. Автор неопубликованной анонимной хроники, отрывок из которой напечатан Фогтом, сообщает, что Шиллинг достойным наказания образом выступал против духовных и светских властей, против церковных обычаяв и дурно отзывался о таинстве причащения. В одной из своих проповедей монах-францисканец утверждал, что «все вещи должны были бы стать общими». Этим, заявляет аноним, Шиллинг привлек на свою сторону множество плебеев, которые охотно поделили бы имущество богачей³⁹. Секретарь городского совета Конрад Пейтингер, объясняя в книге протоколов магистрата причину изгнания Шиллинга из Аугсбурга, особо подчеркнул: монах «проповедовал то, чего не одобрял совет, но приветствовала община, и вообще говорил о приоритете общины над советом»⁴⁰.

Вне всякого сомнения, проповеди Шиллинга по своему характеру были близки народной Реформации и учению Томаса Мюнцера. Он ставил под сомнение правомерность власти патрицианско-олигархического совета, говорил о необходимости установления общности имуществ в интересах городских низов и придерживался радикальных религиозных взглядов. Понятно, что проповеди монаха вызывали у ратманов большое недовольство. Однако он, конечно, не может быть поставлен рядом с такими вождями народных масс, как Мюнцер или Гайсмайер, прежде всего потому, что не был стойким борцом, организатором революционного движения.

³⁶ Rem, S. 204—205.

³⁷ Roth F. Op. cit., S. 156—157.

³⁸ Vogt W. Op. cit., Anhang, S. 29.

³⁹ Ibid., S. 26.

⁴⁰ Ibid., S. 23.

В этом отношении весьма показательны история изгнания проповедника парфюсской церкви из города и его дальнейшая судьба. В условиях напряженной социальной обстановки в Аугсбурге и за его пределами деятельность Шиллинга становилась опасной для олигархической верхушки. Влияние его проповедей на рост революционных настроений городских низов было бесспорным. Но отстранение его от должности могло быть чревато весьма неприятными последствиями, и поэтому власти действовали с большой осторожностью. Магистрат обратился с соответствующей просьбой в орден францисканцев, и тот отзвал Шиллинга в Ротенбург. Как только об этом стало известно городским властям, они предложили Шиллингу немедленно покинуть город, пообещав ему 20 гульденов и лошадей за счет магистрата⁴¹. Рем же утверждает, что вечером 3 августа власти, не объяснив даже причины, приказали Шиллингу немедленно покинуть город, что тот и сделал перед наступлением ночи. Изгнание монаха, продолжает хронист, произошло только потому, что совет «зависел от попов». Инициатором высылки проповедника выступил глава «поповской партии» Якоб Фуггер, на которого народной молвой и была возложена вина за изгнание францисканского монаха. В народе говорили, что Фуггер «держит в своих руках почти всех цеховых старшин, которые и принимают угодные ему решения»⁴². Попытка Пейтингера доказать непричастность магистрата к отъезду Шиллинга из Аугсбурга легко опровергается его собственной записью в книге протоколов совета, из которой следует, что «с учителем чтения дружески договорились», чтобы он держал свой отъезд в тайне и немедленно отправлялся в путь⁴³.

Автор «Описания евангелических проповедников» сообщает, что Шиллинг вернулся в Аугсбург 13 августа⁴⁴, но уже не сыграл в последующих событиях сколько-нибудь заметной роли. «Монахи его ордена,— по словам Рема,— смотрели на него косо, содержали его как собаку». «Делалось это,— утверждает хронист,— надо полагать, по указанию совета». В середине ноября Шиллинг по предписанию руководства ордена вновь покинул Аугсбург, но неожиданно появился там весной 1525 г., т. е. в тот момент, когда Крестьянская война достигла своего апогея. Власти, разумеется, не забыли, кто такой Шиллинг, и городской фогт предложил ему немедленно покинуть город и впредь там не появляться. Рем пишет, что и на сей раз пар-

⁴¹ Vogt W. Op. cit., Anhang. S. 29.

⁴² Rem, S. 205—206. О реакционной роли Фуггеров в германской истории см.: Norden A. Herrscher ohne Krone. Berlin, 1973, а также рецензию на нее В. Е. Майера (СВ, вып. 39. М., 1975, с. 244—249).

⁴³ Vogt W. Op. cit., S. 5; Anhang, S. 21.

⁴⁴ Ibid., S. 30.

фюсский монах «беспрекословно подчинился этому приказу»⁴⁵. На этом след его в документах теряется.

Изгнание Шиллинга 3 августа послужило поводом к открытыму выступлению городских низов Аугсбурга, успех которого мог превратить этот город в форпост революции в Южной Германии. Волнения городских низов 6 и 9 августа явились кульминационным пунктом революционных событий в Аугсбурге, оставили глубокий след в сознании современников и нашли отражение в городской хронистике и других документах. Попытаемся проанализировать, не останавливаясь подробно на ходе событий, линию поведения участвовавших в движении городских низов и тактику магistrата.

«На шестой день августа,— пишет Георг Прей-старший,— община сбежалась к ратуше Аугсбурга и потребовала восстановить в правах проповедника парфюсской часовни, который проповедовал ей слово божие, наставляя в священном писании»⁴⁶. Толпа народа, численность которой, по словам очевидцев, колебалась от 1200 до 1800 человек⁴⁷, в течение целого дня вела «осаду» ратуши и по сути дела парализовала деятельность городских властей. Собравшиеся на площади Перлах бедные ремесленники и плебеи, остававшиеся там до наступления темноты, упорно настаивали, чтобы им вернули монаха.

Очевидцы событий единодушно подчеркивают, что люди, сбежавшиеся на площадь, были «простым народом» (*gemain volck*). Зендер называет участников событий 6 августа «мятежной шайкой» и плебсом⁴⁸. Движение носило явно стихийный характер, участники действовали без заранее составленного плана. По словам Рема, собравшиеся на площади Перлах ремесленники 13 цеховых корпораций не были вооружены, «не имели умысла кому-либо делать дурное»⁴⁹ и их целью не являлось свержение городских властей.

Свидетельства источников побуждают, однако, усомниться в миролюбивом настроении собравшихся на площади, в чем нас пытаются уверить Рем. На самом деле толпа народа негодующе шумела и кричала, кое-кто громогласно требовал повесить всех настроенных против монаха⁵⁰. Находившиеся в этой толпе сумтъяны, заявляет Прей, старались убедить собравшихся, что «тот, кто желает вернуть монаха, должен поднимать бедноту»⁵¹. К какой-то ткач заявлял, что «мы в большинстве и значит можем прогнать цехового старшину Пиммеля, так же как он изгнал мо-

⁴⁵ Rem, S. 208.

⁴⁶ Preu, S. 28.

⁴⁷ Sender, S. 155—156; Preu, S. 28; *Vogt W.* Op. cit., Anhang, S. 21; Roth F. Op. cit., S. 160.

⁴⁸ Sender, S. 156, 157.

⁴⁹ Rem, S. 206.

⁵⁰ Roth F. Op. cit., S. 161.

⁵¹ Preu, S. 29.

наха», а другой ткач кричал, что «все люди должны быть друг другу братьями»⁵². Но эти решительно звучавшие голоса не были поддержаны большинством собравшихся. Правда, некоторые элементы организованности все же имелись. Члены совета надеялись, что толпа разойдется с наступлением обеденного часа. Но участники «осады» ратуши разделились на три части, каждая из которых пообедала по очереди⁵³.

С приближением вечера и наступлением темноты собравшиеся на площади Перлах решили блокировать все выходы из здания ратуши и никого не выпускать оттуда, «пока им не отадут монаха-проповедника»⁵⁴. В шумной толпе выделялись фигуры вожаков, которые прилагали усилия, чтобы придать стихийному движению целенаправленность. Такими людьми были ткач Ульрих Рихснер, бумажник Ханс Эстеррейхер, башмачник Цимпрехт Видеман, книгопечатник Мельхиор Раммингер и булочник-подмастерье Георг Фишер⁵⁵. Ткач Петер Оттер приказал своим подмастерью и зятю немедленно отправиться к городским воротам св. Креста и поднять там ремесленников, чтобы захватить пушки и поставить тем самым совет в безвыходное положение⁵⁶. Но толпа народа, которая, по словам Зендера, трижды угрожающе приближалась к ратуше⁵⁷, так и не отважилась взять ее приступом. У городских низов не оказалось руководителей, способных выдвинуть лозунги, которые сделали бы падение городских властей неизбежным.

Характер движения определил и тактику правящей олигархии. Члены совета, увидев на площади толпу, направили туда бургомистра Имхофа, который от имени магистрата пригрозил собравшимся перед ратушей, что «это так им не пройдет»⁵⁸. Угроза не произвела, однако, воздействия на участников движения, и последние, избрав комиссию от цехов из 11 или 12 человек, потребовали, чтобы от имени совета переговоры вел популярный среди населения Кристоф Херварт. Но его посредничество было отвергнуто после того, как он призвал народ «оставаться в законном повиновении» властям. Тогда на помощь Херварту поспешили члены магистрата Вольф Пфистер, Антон Пиммель и секретарь городского совета Конрад Пейтингер⁵⁹.

На площадь приказано было передать, что на место Шиллинга властями назначается другой евангелический проповедник — сторонник умеренно-консервативного крыла лютеровской

⁵² *Vogt W.* Op. cit., S. 9.

⁵³ *Roith F.* Op. cit., S. 162.

⁵⁴ Preu, S. 29.

⁵⁵ *Roith F.* Op. cit., S. 160.

⁵⁶ *Vogt W.* Op. cit., S. 9.

⁵⁷ Sender, S. 157.

⁵⁸ Preu, S. 28.

⁵⁹ *Vogt W.* Op. cit., Beilage, S. 21—22.

реформации Урбан Региус⁶⁰, а бургомистр Имхоф начал речь о «послушной, благочестивой общине, которая ничего не будет предпринимать против совета». Но в этот момент, не без горькой иронии пишет хронист Зендер, «вновь повсюду поднялся бунтарский крик»⁶¹.

Борьба городских низов за популярного в их среде проповедника была борьбой за новое направление реформации, принципиально отличавшееся от лютеровского учения. Городские низы в данном случае волновал не столько сам принцип евангелизма, сколько социальное звучание проповедей Шиллинга, с которыми эти низы связывали свои надежды на будущее. Именно последнее и являлось действительной подоплекой событий и заставило магистрат в конце концов отступить. В тот момент, когда ремесленники и плебеи, казалось, готовы были перейти от угроз к штурму здания ратуши, власти поспешили пойти на уступки. Магистрат пообещал в течение трех дней вернуть парфюсского монаха на должность проповедника⁶². Участникам же движения была объявлена амнистия⁶³. Только после этого народ стал расходиться по домам, угрожая приходить на площадь Перлах каждый день, пока не вернется монах⁶⁴.

Бурные события 6 августа, принесшие весьма относительный успех, все же создали благоприятные условия для наступления на позиции правящей олигархии. Уже 6 августа, сразу же «после полудня, удрали из города в Биберах Фуггеры», а затем их примеру последовали многие члены капитула и католические священники⁶⁵.

К сожалению, пробелы в источниках не позволяют восстановить полную картину общественной атмосферы в городе 7 и 8 августа. Ясно одно — недовольство городских низов продолжало сохраняться. «Дурные элементы среди них,— утверждает Ф. Рот,— уже давно страстно ожидали того момента, который им представился 6 августа, чтобы провести в жизнь свои планы, предусматривавшие полную демократизацию городского управления и коммунистические мероприятия в интересах пролетариата». Очень решительно, продолжает Рот, была настроена та часть ткачей, во главе которых стоял Петер Оттер, «готовый пролить кровь ради осуществления планов восставшего народа»⁶⁶. И если слова Рота о возникшей якобы в городе «коммунистической опасности» и деятельности крайне левой партии горожан в интересах пролетариата следует признать преувеличением и модернизацией, он все же прав, подчеркивая готов-

⁶⁰ Ibid., S. 22; Preu, S. 29; Sender, S. 156.

⁶¹ Sender, S. 157.

⁶² Vogt W. Op. cit., Beilage, S. 29.

⁶³ Rem, S. 209.

⁶⁴ Roth F. Op. cit., S. 162.

⁶⁵ Rem, S. 206.

⁶⁶ Roth F. Op. cit., S. 163.

ность городских низов и после 6 августа продолжать борьбу с олигархией.

Утром 7 августа в парфюсскую церковь отправился Региус. «Но когда Региус,— читаем мы в «Описании евангелических проповедников»,— вступил на кафедру, поднялся такой крик, что он не стал читать проповеди в этой ужасной обстановке»⁶⁷. Городские бедняки желали слушать только изгнанного властями Шиллинга. Выступивший в тот же день перед собравшимися у городских ворот св. Креста Оттер шел еще дальше и говорил, что, если даже монаха вернут, жизнь бедняков не станет лучше. Поэтому следовало бы захватить в свои руки городской арсенал⁶⁸. К сожалению, нам ничего неизвестно о планах и программе революционно настроенных элементов, которые возглавлял Оттер.

9 августа бедные ремесленники и плебеи, прия на утреннюю службу в парфюсскую церковь, не обнаружили там проповедника Шиллинга и вновь устремились на площадь Перлах, где потребовали возвращения монаха в город, а также освобождения из тюрьмы Бартоломея Рема⁶⁹ и «одного скорняка»⁷⁰, оказавшегося в заточении 11 лет тому назад после конфликта с бургомистрами. Выдвигая это требование, собравшиеся на площади выражали своего рода вотум недоверия правящей олигархии. Однако в целом движение, как и в воскресенье, 6 августа, развивалось стихийно.

Шаги, предпринятые властями, являют собой резкий контраст с действиями шумной, крикливой и неорганизованной толпы, вновь заполнившей 9 августа площадь Перлах. Правящая олигархия на этот раз действовала достаточно умело и энергично, сделав все возможное, чтобы овладеть положением. С этой целью во все цехи были разосланы грамоты, под которыми должны были поставить свои подписи все, кто не желал нарушать принесенной магistrату присяги⁷¹, а у здания ратуши и цеховых домов совет поставил цеховую милицию и городских ландскнехтов во главе с Каспаром Лангом и Михаилом Фрессенмайером⁷². Для консолидации «сил порядка» Конрад Пейтингер выступил на заседании Большого совета с докладом о положении дел и добился одобрения действий магистрата цеховой верхушкой⁷³.

⁶⁷ Vogt W. Op. cit., Beilage. S. 30.

⁶⁸ Ibid., S. 9.

⁶⁹ О судьбе Бартоломея Рема см.: Некрасов Ю. К. Очерк из экономической истории Германии конца XV — начала XVI в. (по материалам южнонемецких торговых и торгово-промышленных компаний). — «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 449. Вологда, 1969, с. 71 и сл.

⁷⁰ Rem, S. 207; Preu, S. 29—30.

⁷¹ Rem, S. 206—207.

⁷² Vogt W. Op. cit., Beilage, S. 23.

⁷³ Preu, S. 30.

Члены совета, сообщает анонимный хронист, больше всего опасались, что восставшие захватят арсенал и выступят с оружием в руках⁷⁴. Поэтому попытка участников движения захватить большую пушку вызвала среди членов совета и правящей олигархии переполох. Именно тогда, пишет Прей, «начались страсти господни». В критической ситуации магистрат обратился к ландскнехтам и цеховой милиции с призывом применить против мятежников оружие. В конечном счете все свелось к потасовке на площади Перлак между участниками движения и городской милицией. Последней удалось взять верх и рассеять не вооруженную толпу⁷⁵.

После этого магистрат немедленно нанял на службу более 600 ландскнехтов, которым вменялось в обязанность несение караульной службы днем и ночью⁷⁶. Одновременно была усиlena стража из цеховой милиции на стенах, башнях и улицах города⁷⁷. Исход событий, таким образом, не оставлял сомнений, что олигархии удалось овладеть положением и сохранить власть в своих руках.

По словам Прея, «умиротворение стоило трудов», так как в эти августовские дни «один дом выступал против другого, и нигде не было порядка»⁷⁸. События представлялись хронисту гражданской войной, войной дома против дома, и это еще раз подчеркивает, что горожане оказались в эти дни по разные стороны баррикад. Несмотря на благополучный для властей исход событий, положение продолжало оставаться напряженным, и Малый совет на своем заседании 12 августа принял декрет, грозивший суровыми карами всем тем, кто продолжает произносить бунтарские речи и призывают народ к мятежу⁷⁹. Дальнейший ход событий показал, что опасения городских властей не были напрасными.

*

Революционные события в Аугсбурге в конце лета, а также в начале осени 1524 г. совпадают с радикальными переменами в расстановке классовых сил в общеноциональном масштабе. К осени этого года умеренно-бюргерская по содержанию реформационная доктрина Лютера фактически уже была поставлена на службу князей. Но совершенно иное развитие получила Реформация в верхнешвабских городах и наиболее значительных городских центрах Швейцарии. Радикальное бюргерство вело

⁷⁴ *Vogt W.* Op. cit., Beilage, S. 27.

⁷⁵ Preu, S. 31.

⁷⁶ *Vogt W.* Op. cit., Beilage, S. 28; Rem, S. 207.

⁷⁷ *Vogt W.* Op. cit., S. 23; Preu, S. 31.

⁷⁸ Preu, S. 31.

⁷⁹ *Vogt W.* Op. cit., S. 10—11.

здесь борьбу не только против папской курии, но и против княжеских властей и предполагало установление республиканских институтов. Во всех почти без исключения городах этого района революционные события обычно начинались с выступления проповедников, которые резкой критикой существующих порядков приводили в движение народные массы. Под влиянием радикально-бюргерских и плебейских элементов удавалось, как правило, свергнуть прежние авторитеты. Так протекало развитие не только в Аугсбурге, но и Меммингене, Нюрнберге, Ульме, Ротенбурге и других городах.

Подчеркивая эти особенности реформационного движения в Верхней Германии⁸⁰, М. Штейнмец не без основания отмечает, что здесь наряду с лютеранством широкое распространение получила цвинглианская Реформация. В отличие от Лютера Цвингли был представителем прогрессивных слоев бюргерства. Купцы и ремесленники были его сторонниками, патриции — противниками. Развитый в его учении культ труда соответствовал и выражал интересы бюргерства. Не божья милость, по Цвингли, приносит успех человеческому труду, а труд вызывает божью милость. Такое направление цвинглианство приобрело не без влияния гуманистических идей. Особый гнев реформатор обрушил на тиранов-феодалов, которых угрожал устраниить с помощью народа, если они не будут жить, опираясь на евангелие. Причину восстания он видел в ненависти народа к феодальным властям и осуждал Лютера за выступление против крестьян⁸¹. Цвинглианская доктрина, по мнению Штейнмеца, содержала в себе возможность и перспективу совместного выступления бюргерства и крестьянских масс против феодального строя.

К осени 1524 г. городские восстания густой сетью покрывали всю Южную Германию, оставаясь, однако, событиями местного значения до тех пор, пока городские волнения не соединились с крестьянским движением. М. Штейнмец, конечно, прав, когда подчеркивает ту роль, которую в южногерманских землях играло учение Цвингли. Но еще М. М. Смирин достаточно убедительно показал, что цвинглианство зачастую истолковывалось в интересах умеренной группировки в крестьянском движении, отвергавшей формы активной борьбы с классом феодалов⁸², а это не столько способствовало антифеодальным выступлениям народных масс, сколько сдерживало их. Необходимо также иметь в виду, что позиция цвинглианской партии во многом зависела от политической ситуации. Впрочем, уже ничто не могло сдержать напора революционных событий.

Уже летом 1524 г. в южных и особенно юго-западных германских землях крестьяне, поднимавшиеся на борьбу против

⁸⁰ Deutsche Geschichte, Bd. 1, S. 511.

⁸¹ Ibid., S. 511—512.

⁸² Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера..., с. 308 и др.

своих господ, искали союза не только с городами, но и швейцарскими кантонами. Цвинглианские власти некоторых городских кантонов неоднократно из тактических соображений выражали готовность оказать помощь немецким крестьянам в их борьбе против Габсбургов. В инструкции эрцгерцога Фердинанда от 28 июля правительству в Инсбруке содержится угроза начать против швейцарцев войну, если они будут поддерживать его подданных в Передней Австрии⁸³.

3 августа Фердинанд отдал приказ силой привести к послушанию мятежный город Вальдсхут. Но правительство в Энзисхайме еще две недели не приступало к выполнению этого приказа из опасения вмешательства швейцарцев. С целью урегулирования отношений с цвинглианскими властями в Швейцарию выехал имперский секретарь Вайт Зутер, который вел там переговоры с 16 по 21 августа⁸⁴. Только успешное завершение этих переговоров позволяло австрийским властям прибегнуть к вооруженным акциям по отношению к Вальдсхуту.

Примерно с 20 августа крестьяне Штилингена в надежде на помощь Вальдсхута и швейцарцев стали вооружаться и перешли к организованному сопротивлению властям⁸⁵. В связи с этим эрцгерцог Фердинанд 26 августа направил распоряжение дворцовому совету в Инсбруке, которое обязывало австрийское правительство перейти от тактики переговоров со штилингенскими крестьянами к их вооруженному подавлению и наказанию⁸⁶. В своей инструкции тому же адресату от 7 сентября Фердинанд выражал большое неудовольствие тем, что «наши непослушные подданные в Вальдсхуте» действуют заодно с крестьянами Шварцвальда. Недавно получено донесение, продолжал эрцгерцог, что штилингенские крестьяне пытаются заручиться поддержкой Шафхаузена. Фердинанд возлагал все надежды на успех переговоров со швейцарцами, которых, по его мнению, необходимо во что бы то ни стало убедить отказаться от выступления на стороне Вальдсхута и крестьян Штилингена⁸⁷.

Дело в том, что события в Вальдсхуте и Штилингене связали Габсбургам руки в тот момент, когда борьба с Францией за Италию достигла своего апогея, и возникла неблагоприятная для Империи ситуация: армия Карла V была осаждена в Павии, и Франциск I уже предвкушал близкую победу. В этой ситуации нельзя было идти на открытый разрыв со швейцарцами. К тому же стало известно, что изгнанный в 1519 г. из своих владений герцог Ульрих Вюртембергский, финансируемый французами, готовит вторжение. Ульрих скорее из политических

⁸³ Stolze W. Akten..., S. 291.

⁸⁴ Bergsten T. Op. cit., S. 144.

⁸⁵ Ibid., S. 146—147.

⁸⁶ Stolze W. Akten..., S. 293.

⁸⁷ Ibid., S. 294—295.

соображений, чем из личных убеждений, признал Реформацию, тем самым завоевав поддержку некоторых имперских и швейцарских городов, которые он был намерен использовать в качестве выгодного плацдарма⁸⁸. В силу всех этих причин Фердинанд вынужден был проявлять максимум дипломатической изворотливости.

Переговоры со швейцарцами, по всей видимости, принесли успех Габсбургам, и 3 сентября в Радольфсцелле было принято решение о вооруженном выступлении против крестьян с большой армией (12 тыс. пеших и 600 конных ландскнехтов). Однако этот план был сорван по причине отсутствия у австрийского правительства средств на организацию похода. 10 сентября господская партия попыталась заключить соглашение со штиюлингенскими подданными. Но крестьяне 11 сентября наотрез отказались признать соглашение⁸⁹. Узнав об этом, Фердинанд распорядился оказать господской партии вооруженную помощь⁹⁰. Срыв соглашения со штиюлингенскими крестьянами означал начало Крестьянской войны⁹¹. Безуспешными были и переговоры с Вальдсхутом, куда вступил отряд цюрихских добровольцев, взявший город под свою защиту. Революция набирала силы и стремительно развивалась по восходящей линии. Этот подъем не миновал и Аугсбурга.

*

Неудача выступления городских низов 6 и 9 августа не парализовала революционных сил в Аугсбурге. Всеобщее недовольство городских низов и после 9 августа находило выражение в открытых выступлениях, продолжавшихся до конца первой декады сентября. Власти в эти дни неоднократно заявляли, что в городе и за его стенами произносятся речи и предпринимаются действия, которые возбуждают к мятежу и к неповиновению законным властям⁹². Об этом же свидетельствует следующий факт. Среди арестованных 13 сентября участников движения оказалась женщина, неоднократно публично выражавшая недовольство тем, что совет нанял «чужую стражу» и израсходовал на ее содержание большие деньги. «Лучше было бы,— говорила она,— купить на эти деньги хлеба и сала и разделить между бедняками». Она же заявляла, что, «если мужчины утратили мужество, действовать должны женщины»⁹³. Эта смелая женщина заблуждалась, однако, отказывая мужчинам в мужестве.

⁸⁸ Franz G. Geschichte des deutschen Bauernkriegs, S. 106.

⁸⁹ Ibid., S. 105.

⁹⁰ Bergsten T. Op. cit., S. 148—149.

⁹¹ Смирин М. М. Германия эпохи Реформации..., с. 213.

⁹² Vogt W. Op. cit., S. 15—16.

⁹³ Preu, S. 31.

3 августа ткачи Ганс Кагер и Ганс Шпайзер, скорняки Пауль Киссингер и Пауль Вестермайер создали революционный комитет, который тайно проводил собрания и разрабатывал план вооруженного выступления. Прей утверждает, что члены комитета «были причастны к крещению взрослых и открыто пропагандировали это дело»⁹⁴. Сообщение хрониста о причастности членов комитета к секте анабаптистов не представляется бесспорным, хотя их связь с многочисленными пришлыми элементами, наводнившими город и его окрестности, очевидна. Пришельцы создали общину «садовых братьев» (*gartenbrüder*), которая, разумеется, охотно оказала бы помочь аугсбургским беднякам в их борьбе с «Большими Гансами». Власти, чувствуя, откуда исходит для них опасность, постановлением от 30 августа запретили всем бюргерам и жителям города принимать кого-либо у себя дома без особого разрешения совета⁹⁵.

Протоколы допросов членов революционного комитета ткачей Кагера и Шпайзера, опубликованные Ф. Ротом⁹⁶, позволяют составить представление о политических планах заговорщиков и целях движения. На допросе 11 сентября Кагер показал, что он говорил всем, кого вербовал в организацию, о намерении заговорщиков до наступления рождества избрать цеховые комитеты и цеховых старшин из числа лиц, «которые не были бы против слова божьего». 12 сентября Кагер сказал: «Мы должны были подготовиться до рождества, собраться у церкви св. Линхарта, взять в свои руки [цеховые] знамена» и после этого избрать бургомистром Ульриха Релингера. Далее он показал, что заговорщики имели план перед рождеством прийти в совет и просить отмены унгельта, а на тех, кто стал бы противиться, они намерены были действовать силой.

Шпайзер на допросе 13 сентября подтвердил, что Кагер на собраниях заговорщиков неоднократно говорил о необходимости осуществить переворот до рождества, чтобы, воспользовавшись перевыборами в цеховых корпорациях, отстранить неугодных старшин и впредь их не избирать. Заговорщики, таким образом, были намерены ради завоевания власти сочетать насилистственные меры с использованием традиционного механизма перевыборов цеховых старшин и членов цеховых комитетов. Причем на высшую в магистрате должность бургомистра члены комитета предполагали посадить одного из наиболее последовательных и энергичных сторонников реформы церкви, а одновременно и одного из богатейших бюргеров города — Ульриха Релингера, ошибочно полагая, что он выступит в роли защитника народных интересов. Но показания Кагера и Шпайзера убеждают, что

⁹⁴ Preu, S. 31.

⁹⁵ Vogt W. Op. cit., Beilage, S. 19.

⁹⁶ Roth F. Op. cit., Anhang, S. 190—194.

цель заговора не ограничивалась осуществлением политического переворота.

Участники тайных собраний и члены революционного комитета пылали ненавистью к городской олигархии. Шпайзер говорил, что в случае успеха предприятия они решили больше не избирать цеховым старшиной Антона Пиммеля, так как он не придерживался евангелической веры. Кагер признался, что у него был план «прибить цехового старшину Пиммеля». Как следует из протокола допроса, Шпайзер призывал своих сообщников по примеру гуситов разгромить лавки купцов и отрубить головы «Большим Гансам». Следовательно, наиболее радикальные элементы считали социальной задачей движения устранение патрицианско-купеческой верхушки из общественной жизни города.

В первых числах сентября 1524 г. заговорщиками была составлена программа требований «Двенадцать статей», из которых нам известны только 9, так как ~~последние 3 в обоих~~ дошедших до нас экземплярах программы отсутствуют. Эти статьи, как считает В. Фогт, были самыми радикальными и по этой причине их не назвал никто из арестованных даже под пытками⁹⁷. Программа движения городских низов была выработана на одном из собраний заговорщиков в доме каменщика Хаза⁹⁸.

Четыре из девяти статей программы посвящены церкви и решению религиозного вопроса. Ст. 1 требует изгнания из города двух докторов церковного права (имелись в виду идеиные вожди католической партии в Аугсбурге Кретц и Фабер). Выполнение этого означало осуществление на практике свободы евангелической проповеди и победу горожан в борьбе с католической церковью. Провозглашение свободы проповеди в духе евангелизма имело для того времени исключительное значение, так как открывало возможность истолкования действующих законов и всего существующего правопорядка в соответствии с «божественной справедливостью» и, следовательно, предполагало перспективу проведения радикальных реформ не только в церковной, но и во всей общественной жизни.

Реализация программы должна была подорвать и экономическое могущество церкви. Ст. 3 предусматривала прекращение поступлений поборов бургграфу с принадлежащих церкви имуществ, а ст. 4 выдвигала требование отмены всяких земельных чиншней в пользу католической церкви. Эти статьи предполагали не только отмену большой и малой церковной десятины, но и исключали самую возможность получения церковью доходов с земель, хотя и находившихся в пользовании или владении бургеров, но на которые церковь до сих пор сохраняла права фе-

⁹⁷ *Vogt W.* Op. cit., S. 14.

⁹⁸ Текст программы опубликован В. Фогтом (см. *Vogt W.* Op. cit., Beilage, S. 19).

одального собственника. С другой стороны, эти же статьи указывали на материальную основу, которая могла в перспективе объединить усилия горожан и крестьянства в борьбе против католической церкви.

Одновременно церковь утрачивала и свои податные привилегии, поскольку, согласно ст. 8, в будущем «попы должны были платить прямые налоги и унгельт» наравне со всеми бургера-ми. Эти статьи отвечали интересам подавляющего большинства горожан, так как их реализация привела бы к смягчению по-датного гнета.

Ст. 2, 5, 6 и 7 посвящены городским делам и не идут даль-ше программы бургерской оппозиции. Наиболее интересна ст. 6, где сформулировано требование «упразднить все товарищес-ва», чтобы впредь «каждый торговал от своего имени» (*alle gesellschaft abzuthun und ain yeder fur sich selbs handeln*). Это требование выходило далеко за границы интересов только аугсбургского бургерства, так как являлось продолжением и разви-тием борьбы, которая еще до начала Реформации развернулась вокруг вопроса о монополиях.

Деятельность компаний-монополистов типа Фуггеров свиде-тельствовала не только о начавшемся процессе развития ран-некапиталистических отношений, но одновременно была и при-знаком слабости германского варианта раннего капитализма, так как монополии стесняли экономическую деятельность тех предпринимательских элементов, интересы которых не защища-ли привилегии феодально-княжеского происхождения. Вот поче-му «Гейльброннская программа» настаивала на ограничении уч-редительного капитала крупных фирм, а «Земское устройство» Михаила Гайсмайера высказывалось за закрытие этих фирм и конфискацию их собственности в пользу народного государст-ва. Реализация требований относительно крупных торгово-рос-товщических фирм отвечала интересам различных слоев город-ского населения.

В ст. 2 речь шла о восстановлении старой системы мер, а ст. 5 настаивала на предоставлении бургерам права, как это было в прошлые годы, самостоятельно заниматься пивоварением и не платить за это занятие унгельта. Удовлетворение этих требований должно было улучшить материальное положение имущих слоев бургерства. Поэтому эти статьи не отражают про-граммных требований собственно плебейской оппозиции.

Ст. 7 программы предполагала освобождение из тюрьмы скорняка, находившегося 11 лет в заточении. Как нам уже из-вестно, народ, собравшийся на площади Перлах, требовал так-же освобождения аугсбургского предпринимателя и купца Бартоломея Рема, который просидел в тюрьме более трех лет. И дело здесь не только в том, что на этих людей большинство горожан смотрело как на жертвы олигархического режима. Включая подобное требование в свою программу, заговорщики

выражали городским властям своего рода вотум недоверия и посягали на то, что было исключительно компетенцией магистрата.

Особое место в программе занимает ст. 9, наиболее радикальная по своему содержанию. В ней сказано, что если «кто из членов совета воспротивится им (участникам движения.—Ю. Н.), того они намерены принудить к повиновению силой». Именно эта статья раскрывала потенциальную силу движения и отражала ту тенденцию в его развитии, которая свидетельствовала о возможности, при определенных условиях, совместного выступления сторонников народной Реформации и радикально-бюргерской оппозиции против патрицианско-олигархического режима в городе.

В целом программа указывала путь, на котором движение бюргерства и городских низов, направленное против экономического и социально-политического господства католической церкви, могло слиться с освободительным движением крестьянства. В условиях того времени могло быть успешным только то бюргерское движение, которое хотя бы в перспективе предполагало союз с основным эксплуатируемым классом феодального общества — крепостным крестьянством.

Деятельность комитета заговорщиков развивалась в опасном для городской олигархии направлении. Поэтому по приказу магистрата с 10 по 13 сентября были произведены аресты руководителей заговора⁹⁹, началось скоротечное судебное следствие, и уже 14 сентября суд вынес смертный приговор Кагеру и Шпайзеру¹⁰⁰. По словам Прея, стремление властей сохранить в тайне подлинные цели и задачи движения побудило их «отказаться от публичного судебного разбирательства, как того требовал обычай». Судебный приговор, по его же свидетельству, обвинял Кагера и Шпайзера в том, что они «дурно отзывались о совете, надругались над господом и имели намерение вновь поднять в городе мятеж». В приговоре Паулю Вестермайеру было сказано, что он «поносил господа; дурно говорил о совете и, распивая вино в трактире, слушал, как говорили о мятеже, но не донес об этом магистрату»¹⁰¹. Пейтингер записал в книге протоколов магистрата, что Кагер «ужасно поносил законные власти, произносил бунтарские речи и оказывал неповинование совету», а Киссингер побуждал людей к бунтарским речам и делам и сам действовал в том же духе¹⁰².

После вынесения смертного приговора совет приказал 15 сентября тайно произвести казнь. Палачу было предписано не позволять осужденным произносить речей, а быстро выполнить свое

⁹⁹ Vogt W. Op. cit., S. 15; Roth F. Op. cit., Anhang, S. 190.

¹⁰⁰ Roth F. Op. cit., S. 168.

¹⁰¹ Preu, S. 32—33.

¹⁰² Vogt W. Op. cit., Beilage, S. 20.

дело¹⁰³. Сохранение тайны, утверждает Рем, было необходимо для того, «чтобы не зазвонили колокола» (*das man die Sturmglocken nicht laut*) и народ вновь не появился на площади Перлах¹⁰⁴. Прей также объясняет поспешность властей желанием, чтобы «о казни не узнал народ».

Между 7 и 8 часами утра обоих осужденных вывели из тюрьмы, и Шпайзер первым «напротив ратуши и ворот церкви св. Петра был поставлен на колени и обезглавлен». Затем такая же участь постигла Кагера¹⁰⁵. Бедный ткач по фамилии Шпайзер, сообщает Рем, человек «доброй евангелической веры и пользовавшийся хорошей репутацией», охотно «умер за слово божие». Кагер «был подвергнут жестоким пыткам, но ничего не сказал»¹⁰⁶. По словам Прея, Шпайзеру было 57 лет от роду, и он был «жалким, убогим, бездетным человеком, имущество которого оценивалось только в 6 гульденов, но благочестивой евангелической веры». Кагеру было около 60 лет, и все его состояние едва ли составляло 10 гульденов. Тот и другой оказались «первыми adeptами новой веры, которые подверглись в Аугсбурге такому наказанию»¹⁰⁷. Зендер называет Кагера и Шпайзера «капитанами и застрельщиками плебса в прошедшем мятеже»¹⁰⁸.

Через два дня, 17 сентября, был казнен «добрый евангелист» скорняк Пауль Вестермайер, также «обладавший ничтожным состоянием»¹⁰⁹. Другой скорняк, по фамилии Киссенгер, являвшийся членом комитета заговорщиков, был поставлен у позорного столба, а затем палками «на вечные времена» изгнан из города¹¹⁰. Точное число жертв восторжествовавшей олигархии назвать невозможно, хотя Рем утверждает, что в эти дни в Аугсбурге «оказалось множество женщин и мужчин, подвергшихся жестоким пыткам, многим из которых было запрещено проживать в городе»¹¹¹. Этими казнями и репрессиями былначен удар движению, в течение нескольких месяцев создавшему в городе напряженную социальную атмосферу и державшему правящую олигархию в постоянном страхе.

Аугсбургские хронисты, современники и свидетели событий, по-разному отнеслись к исходу классовой битвы на улицах города. Зендер, отразивший в своей хронике точку зрения феодально-католического лагеря, не может скрыть удовлетворения по поводу благополучного для городской верхушки исхода «мя-

¹⁰³ Preu, S. 32.

¹⁰⁴ Rem, S. 208.

¹⁰⁵ Preu, S. 31—32.

¹⁰⁶ Rem, S. 208.

¹⁰⁷ Preu, S. 32.

¹⁰⁸ Sender, S. 159.

¹⁰⁹ Preu, S. 33.

¹¹⁰ Vogt W. Op. cit., S. 15; Roth F. Op. cit., S. 169.

¹¹¹ Rem, S. 209.

тежа плебса»¹¹². Рем, рассказывая о «мятеже, который произошел в Аугсбурге из-за одного доброго проповедника, выступавшего в парфюсской [церкви]»¹¹³, не без сожаления говорит о неудаче «простого народа» и о понесенных им жертвах. Если Кагер, Шпайзер и их товарищи, с точки зрения властей, были «бунтовщиками, злодеями и ворами», для хрониста это «добрые евангелисты» и «благочестивые люди», которых на выступление против существующего режима спровоцировали католические попы и совет, вызывавший возмущение в народе несправедливыми притеснениями «евангелической веры»¹¹⁴. Еще ярче позиция протестантской хроники в этом вопросе выражена Преем, который упрекает власти, что они сурово обошлись с «мелкой сошкой», тогда как «кое-кто из больших лицемеров, что стреляли в евангелистов и надругались над священным писанием... могли говорить то, что хотели, хотя и были такими же людьми, как мы». Прей имел в виду «тех самых фарисеев, которые были влиятельны и могущественны» и «могли бы сказать, сколько они загубили [невинных душ]»¹¹⁵. Рем и Прей, конечно же, не были идеологами и сторонниками движения городских низов. Но, будучи людьми, критически настроенными к существующему правопорядку, и представителями зарождающейся прогрессивной для того времени протестантской хроники, они не могли не отразить в своих трудах настроений радикально-бюргерской оппозиции, представители которой силою обстоятельств вынуждены были искать союза с народными массами.

¹¹² Sender, S. 159.

¹¹³ Rem, S. 204.

¹¹⁴ Ibid., S. 208—209.

¹¹⁵ Preu, S. 32.